

ПАМЯТИ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЕВАДЫ

Научная школа Юрия Левады о социокультурных изменениях в постсоветском обществе

На фотографии — Юрий Левада, Наталия Панина и Сократ. С Сократом все понятно. Ни один из современных социальных мыслителей не был так близок к образу легендарного философа Древней Греции, как Юрий Александрович Левада. С Наталией Паниной они работали вместе в уже не менее легендарном ВЦИОМе времен перестройки. В августе и ноябре 2006 года они ушли. Думаю, социологи России и Украины будут еще долгие годы осознавать масштаб этих потерь. А в октябре была наша последняя встреча с Юрием Александровичем. Сидя у компьютера, он готовил письмо в поддержку решения Ученого совета Института социологии НАНУ о присвоении институту имени Наталии Паниной, а я изучал его последнюю книгу с традиционной надписью “Евгению Ивановичу на добрую память. 17.10.06”.

Каждый раз, приезжая в Москву, я приходил к Юрию Александровичу Леваде. Без общения с ним не мог представить себе поездку в столицу государства, в котором уроженец Винницы стал живой легендой и моральным лидером не только для социологов, но и для всех мыслящих и демократически настроенных граждан. По-разному назывались социологические центры, которыми руководил Юрий Левада, разными были адреса, но неизменным был сам Юрий Александрович — невозмутимый, слегка ироничный и удивительно обаятельный. Его человеческое обаяние не вызывало живого отклика разве что у сильных мира сего, отношения с которыми редко складываются безоблачно у людей, способных в любой ситуации отстоять свои взгляды и убеждения. Юрий Левада был из особой породы людей — тех редких представителей духовной элиты, которых нельзя ни купить, ни согнуть, ни сломать. Он ушел, но остался созданный им Аналитический центр, где лучшие российские социальные аналитики многие годы вели летопись общественных перемен, где была создана фундаментальная социологическая школа, которую в рецензии, подготовленной три года тому назад для украинского журнала “Критика”, я назвал “школой ВЦИОМа”. Того ВЦИОМа сегодня нет. Есть Аналитический центр Юрия Левады и есть социологическая школа Юрия Левады, есть журнал “Вестник общественного мнения”, многочисленные статьи, раскрывающие основные тенденции и закономерности общественных изменений в России, наконец, есть книги, опубликованные Ю.Левадой, Л.Гудковым, Б.Дубиным.

Каждый из них изучает своего героя. Для Ю.Левады — это “человек постсоветский”, отличающийся от советского представителя гоминид способностью к “социальному прямохождению”, однако сохранивший и в чем-то приумноживший лукавство и двоемыслие своего предшественника. Для Б.Дубина более интересен “человек мыслящий, а следовательно, существующий” во всей полноте его социально-культурных проявлений. Л.Гудков в последние годы сосредоточил внимание на механизмах обретения россиянами новых социальных идентичностей. Но тем-то и отличается научная школа от группы ученых, собравшихся в одном учреждении для подготовки научных трудов, что, при всем разнообразии интересов, представители Школы в поисках истины исходят из общего понимания основополагающих принципов научного познания социальной действительности, что позволяет им всем вместе достигать большего, чем мог бы добиться каждый в отдельности. Пожалуй, никто в России, да и во всем постсоветском пространстве столь основательно и разносторонне не рассмотрел процессы социально-культурных изменений последнего десятилетия. Никто не обобщил столь грандиозный эмпирический материал, полученный в массовых опросах, никто так дотошно не анализировал нюансы общественной жизни и личностных трансформаций в постсоветском мире. Шесть книг, рожденных в Аналитическом центре Юрия Левады, которые я бы посоветовал прочитать каждому, кто склонен понимать Россию умом, — это своеобразная летопись новейшей истории российского общества [1–6]. В этой летописи находят место и личные пристрастия летописцев, но главное в ней — это обобщенный опыт многолетних социологических исследований, без которого рассуждения об обществе были, есть и будут “игрой в бисер” — всегда занимательной, нередко креативной, но никогда не перемещающейся из

бесконечного пространства возможного в закрытую для непосвященных область необходимого.

Было бы дерзостью в одной статье поведать обо всем, что написано в работах Ю.Левады и его единомышленников. Слишком богат материал для размышлений. Но есть одна тема, которая, как мне кажется, не может не задеть за живое каждого, кому не безразличны тенденции социокультурных трансформаций в постсоветской России. Речь идет о глубоком кризисе культуры и культурной элиты. Как подчеркивает Ю.Левада, этот кризис следует понимать как перелом, переход к иной фазе, иной структуре процесса, в отличие от “популярно-газетного словоупотребления, где кризис отождествляется с катастрофой, гибелью”. Как ученые-социологи Ю.Левада, Л.Гудков и Б.Дубин избегают эмоциональных и нравственно-оценочных суждений, когда описывают черты этого кризиса. Они просто констатируют, что процесс десакрализации рафинированной культуры, обусловленный общемировым процессом модернизации и повсеместным распространением ценностей массовой культуры, в постсоветской России приобрел ряд специфических проявлений, связанных с разрушением традиционной книжной культуры и утратой привычных духовных ориентиров культурной элитой. Все больше потребляется продуктов масскульта и все меньше — классики. Зрелищность заменяет вдумчивость, эстетические образцы черпаются преимущественно из телевизионных шоу, процесс потребления духовного продукта все меньше напоминает богослужение, а служители “высокого искусства” мечутся в растерянности, не зная, как совместить старый интеллектуальный багаж с новыми эстетическими запросами: “С утратой монопольного положения интеллигенции в сфере оценок и трактовок культуры ее вкусы потеряли свой эталонный характер — символическую высоту, социальную притягательность” [4, с. 333]. Общий диагноз: крах культурного воспроизводства, сопровождающийся кризисом основных социокультурных институтов — книгоиздательской отрасли, системы библиотек, литературно-художественной периодики, творческих сообществ.

Что же следует из этой картины, во многом напоминающей “Гибель Помпеи”, когда под пеплом массовой культуры и постсоветского экономического кризиса оказалось все, чем по праву гордилась самая читающая страна в мире? Конечно, уцелевшему в нынешней культурной революции “яйцеголовому” больно смотреть на сцену, где торжествующие Сорокин и Маринина приветствуют рукоплещущую публику над поверженными телами Толстого и Достоевского. Безумно жаль и отошавшие “толстые журналы”, и постепенно растворяющихся в масскультовом котле читателей классического духовного наследия. Возникает даже ностальгия по старой-недоброй цензуре. Без нее творческий зуд кумиров сегодняшней массовой и неоэлитарной культуры все чаще порождает художественные образы, перед которыми меркнет все, что можно увидеть в обезьянниках.

Но как бы ни был лукав и ограничен в своих духовных проявлениях “человек постсоветский”, как бы ни огорчали интеллектуала его культурные образцы и кумиры, нельзя не согласиться с тем, что такова реальная цена за политическую, экономическую и духовную свободу. Как подчеркивает Ю.Левада, “десакрализация культуры, начатая в просветительскую эпоху, доводится до своего логического завершения... Ценности массовой культуры — любого свойства — от этических до когнитивных — по природе своей

не могут быть навязаны потребителю так же авторитарно, как это происходило с ценностями предшествующих, авторитарных и авторитетных культур. Подобно продуктам иных массовых производств, они навязываются через систему “необязательного” понуждения типа рекламы и пропаганды, подкрепляемых массовым вкусом. С этим связаны, в частности, широкие и как будто расширяющиеся рамки терпимости к различным вкусам и взглядам” [3, с. 308].

Как ни странно, но именно терпимости всегда не хватало российской культурной элите, той самой благородной и жертвенной русской интеллигенции, образ которой ассоциировался с душевной мягкостью, просветленностью, житейской беспомощностью и добрым чеховским взглядом сквозь поблескивающие стекла пенсне. Но главному принципу социальной толерантности — терпеть меньшее зло, дабы не накликать большего — она не могла быть научена. Не было этого в лучших книгах, которые были с жадностью прочитаны в детстве и перечитаны в зрелом возрасте. В худших книгах об этом тоже ничего не пишется. Но суть современной толерантности как раз и заключается в том, чтобы собственную претензию на духовную исключительность ни один слой общества не мог навязать другим. Уходящий в прошлое эксклюзивный творец и потребитель рафинированной культуры обязан отдать должное авторам книг о кризисе современной российской культуры за их способность увидеть, описать и объяснить причины ухода с социальной сцены той интеллигенции, которая была исключительным явлением в российском обществе и в мировой культуре. В современном мире основной ценностью становится плюрализм, когда каждый имеет право высказать собственную глупость, но не может претендовать на ее исключительность.

Это не значит, конечно, что в обозримой перспективе на постсоветских просторах окончательно уйдут в небытие “рыцари духа”, способные оседлать Росинанта, дабы посвятить себя служению благородной цели покорения духовных и интеллектуальных вершин. И в мире глобальной деинтеллектуализации, где самыми читаемыми и почитаемыми авторами являются сочинители детских волшебных сказок с немудреной бытовой философией добра и справедливости, останутся поклонники Достоевского, Уайльда и Кафки, однако социальная роль их никогда уже не будет столь неадекватно высока, как это было в старорежимном прошлом. Что поделать, такова цена за сближение с цивилизованным миром. И если там на вершинах интеллектуальных рейтингов — Куэльо, Зюскинд и Ульбек, то и здесь от них уже никуда не деться, поскольку попытка жить своим умом явно не удалась, и ничего не остается, как жить тем, что принято считать умом в наиболее материально развитой части мира.

По-человечески жаль, конечно, что эпоха запойного чтения советской интеллигенции уходит безвозвратно. Но нельзя не признать, что запой, каким бы он ни был, — алкогольным, идеологическим или интеллектуальным, — это болезненное состояние тела и души, выход из которого возможен только с кончиной или выздоровлением больного. Собственно, именно этот процесс — затянувшегося социального выздоровления постсоветского общества, — находится в центре внимания Ю. Левады и его коллег. Эмпирической основой их исследований является многолетний социологический мониторинг.

Уже в первые годы проведения мониторинговых исследований, когда российская демократическая общественность была охвачена перестроечным энтузиазмом, им удалось обнаружить главную, быть может, угрозу для демократической перспективы постсоветского общества. Речь идет о психологии базисного типа личности, которая, по данным проведенных исследований, была столь же несовместна с демократическими и правовыми устоями социальной жизни, как гений и злодейство. Об этом они написали свою коллективную монографию — «Советский простой человек», которая была опубликована в 1993 году и во многом оказалась пророческой [1]. Как отмечал один из рецензентов этого труда — социолог Александр Согомонов, «вдумчивое знакомство с рецензируемой книгой, как кажется, несколько поубавило бы романтизма в обновленческих настроениях «младороссийской» интеллигенции» (Социологический журнал. — 1994. — №1. — С.185)

Энтузиазм поубавился очень скоро — после победы жириновщины и последовавшим за этим актом массовой электоральной безответственности всплеском шовинистических настроений среди политиканов, приведших Россию к чеченской трагедии. Для многих людей, в том числе и достаточно искушенных в вопросах общественных трансформаций, эти события оказались непредвиденными и шокирующими. Но только не для авторов упомянутых книг. В их концепции «вынужденной демократии» (суть концепции заключается в том, что демократизация зашла значительно далее того, чего хотели возглавившие ее лидеры и приветствовавшие ее поначалу массы) нет места чуду сказочного обновления общества. Логика рассуждений и выводов ученого, исследователя, аналитика принципиально отличается от прихотливой мысли социального фантазера. Для последнего нет разницы между древним мифом и сегодняшними социальными реалиями: и если уж из морской пены родилась прекраснейшая Афродита, а из головы Зевса — мудрейшая Афина, то почему бы из перестроечной пены не выйти правовому государству, а из головы бывшего секретаря обкома — уважению к человеческой жизни и достоинству. Для истинного ученого (а таких — единицы, ибо наука — это удел избранных, посвященных, а не обладателей кандидатских и докторских дипломов, каковыми ныне обзавелись легионы высокопоставленных невежд) рождение нового общества — сложнейший, противоречивый и во многом все еще непредвидимый процесс изменения взаимосвязанных социальных структур, институтов, механизмов самоорганизации и управления.

Этот процесс не познан в той мере, чтобы сделать возможными безошибочные социальные прогнозы и беспроигрышные политические решения. Однако в работах лучших социологов уже сегодня заложено многое, без чего завтрашнее общество не сможет обойтись, если у него действительно есть демократическая перспектива. Юрий Левада и его единомышленники вовсе не отрицают такую перспективу для России, более того, в последних своих публикациях они склонны отмечать постепенное изменение системы массовых ориентаций в направлении, совпадающим с общецивилизационным процессом. Однако в современной стабилизации российского общества они видят и новую угрозу для хрупкой демократической мечты, обнаруживая социальный механизм всенародного выбора новой надежды нации — «агрессивную мобилизацию общества», которая приходит на смену авторитарному своеволию недавнего прошлого. За всем этим — особый способ со-

циальной интеграции — негативная идентичность, проявляющаяся в многообразных формах “негативного самоутверждения” в современном мире [5]. Возможно, именно этот негативизм по отношению не только к другим, к “чужим”, проявляющийся в массовой ксенофобии, но и по отношению к себе, к своим собственным возможностям жить лучше, чем в прошлом, является главным тормозом социокультурных трансформаций российского, украинского и других “постсоветских” обществ в соответствии с декларируемыми целями (политическая демократия, правовое государство, свободная экономика, массовое благосостояние). Заключительный диагноз Юрия Левады не оставляет места для иллюзий: “На всех уровнях, от массового до официального — и не без солидных интеллигентских усилий — с различных сторон и с новой энергией реанимируются лозунги вредности западного влияния, недопустимости чужого вмешательства во внутренние расправы и т.д и т.п. Как и ранее, попытки нового отгораживания от внешнего мира, нового изоляционизма служат средством самоутверждения (на “своем” уровне) и самооправдания (“не получилось”) [6].

Разумеется, можно было бы упрекнуть социологическую школу Юрия Левады в принципиальном нежелании самостоятельно прописывать сильноедействующие средства излечения общества “вынужденной демократии” от тех его социально-политических недугов, которые не позволяют сделать решающий шаг к такому общественному устройству, в котором стабилизация не означала бы мобилизацию, власть не олицетворяла беззаконие, а толерантность не воспринималась как национальное унижение. Впрочем, социальные рецепты выписываются, как правило, представителями тех школ обществоведения, которые склонны к экзальтации, независимо от теоретических откровений, вызывающих это болезненное для мыслящего человека состояние. Что же касается социологической школы Юрия Левады, то отличительной ее чертой является научная беспристрастность и способность к той необходимой для истинных ученых мере отстранения от действительности, которая не позволяет им перешагнуть черту, отделяющую реальный мир от мира безответственных социальных утопий.

Литература

1. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 1990-х. — М., 1993.
2. Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. — М.; Харьков, 1995.
3. Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. — М., 2000.
4. Дубин Б. Слово — Письмо — Литература. — М., 2001.
5. Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. — М., 2004.
6. Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки, 2000–2005. — М., 2005.

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА,

главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”

Человек свободный¹

Невозможно смириться с тем, что его уже нет... У всех, кто с ним сталкивался, оставалось ощущение масштабности. Безусловность авторитета, который он в последние годы приобрел даже у людей, ему чужих и несимпатичных, вызвана не столько признанием его собственно научных заслуг, сколько острейшим дефицитом или даже массовой тоской по морально состоятельному, внутренне независимым людям. Написанное Левадой по-настоящему не прочитано. Состояние социальных наук в России таково, что умов, которые могли бы воспринять его идеи и концептуальные разработки, очень немного. Однако во всем, что он делал и говорил, угадывалось еще что-то, не сводившееся к "рейтингам" и результатам опросов. И пока это "что-то" ощущается, ему не грозит (пользуясь словами из его последнего интервью) "вытеснение в область мертвой памяти, которое не стимулирует интереса, поддерживает забывание".

То, что двигало Левадой на протяжении всей его жизни, было стремление самым серьезным образом взглянуть в человека нашего общества, понять, во что он верит, если верит, каковы смысловые источники и ресурсы этой веры или ее суррогатов и есть ли надежда, что коллективная жизнь данного социального подвида даст когда-нибудь кумулятивный эффект накопленных изменений, позволяющий сказать: ну вот, кажется, стало чуть меньше людоедства, репрессивности, холуйства, формы социальной жизни приобретают некую цивилизованность.

Проблема для Левады заключалась в том, что главной опорой прежнего тоталитарного или нынешнего полицейского режимов является человек, адаптировавшийся к насилию, даже не столько к внешнему, сколько к внутреннему, человек, принявший его в качестве "естественных рамок" реальности и самого себя. Это та исследовательская проблема, которую отбросила западная социология, долгие десятилетия полагавшая, будто стоит изменить формы социальной организации, перенести европейские институты демократии и рынка, и все будет хорошо. У западной социологии не было ни средств, ни интереса к решению такого рода проблем, нет их и сегодня (отсюда такой чудовищный и глупый провал в Ираке).

Полученные Левадой ответы на поставленные им же вопросы были окрашены скорее пессимизмом. Хотя, как он всегда говорил, история — открытый процесс, поскольку в него включены люди с известной свободой и нравственным выбором.

¹ Напечатанная в газете "Коммерсант" за 20 ноября 2006 года статья, посвященная памяти Юрия Левады, предоставлена для публикации в нашем журнале ее авторами — друзьями и соратниками Юрия Александровича.

Вехи

Левада не был диссидентом, хотя и в советские времена, и до последних дней был дружен со многими правозащитниками. Интерес к тоталитарным формам социальной организации, тоталитарной мифологии и идеологии он пронес с самых первых своих научных работ. Его кандидатская была связана с коммунистическим Китаем, где он побывал в начале 1950-х и опыт изучения которого позволил ему лучше понять советскую систему. Дальше было обращение к социологии религии и массовым идеологиям.

После отстранения от преподавания в МГУ, где он три года читал свои “Лекции по социологии” (1967–1969), ему были закрыты практически все пути к публикации. Но именно в эти годы написаны чрезвычайно важные статьи по структуре социального пространства и времени, экономической антропологии, природе сложных социальных и культурных действий, намного опережающие аналогичные разработки в западной социологии, которая постепенно теряла характер фундаментальной науки и все больше превращалась в область прикладного знания, дополнительного к социальному проектированию и управлению.

С середины 1970-х возобновил регулярную работу семинар Левады, существовавший еще с 1966 года и в измененной форме доживший до настоящего времени. На нем выступали практически все известные в стране исследователи, ученые, даже поэты — от С.Аверинцева и М.Мамардашвили до А.Вишневского, С.Лема и Д.Самойлова. Внутренним стержнем семинара, на котором выступали социологи и экономисты, психологи и демографы, историки словесности и просто историки, так или иначе была тема модернизации в ее российских и советских особенностях. А делом, которое Левада создавал в собственных публикациях тех лет, стал теоретический проект социологии действия и общества как системы (его пространственно-временных координат, репродуктивных механизмов). Этот самый сложный проект принял концентрированную форму в нескольких статьях, позже вошедших в сборник “Статьи по социологии” (1993), увы, всерьез не прочитанный ни социологами, ни гуманитарным сообществом.

С перестройкой появилась возможность новых форм исследования прежних вопросов. Отсюда его решение в 1988 году прийти в созданный Т.Заславской и Б.Грушиным Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) вместе с прежними сотрудниками и соратниками. Его отдел во ВЦИОМе назывался отделом теории, сам он был теоретиком, что называется, от Бога, но разом и бесповоротно постановил для себя и дал понять нам всем: “Сегодня нужно другое”.

Так родилась и оформилась разновидность социологии, которой, кажется, нет аналогов ни у нас, ни за рубежом. Она основывается на гигантских массивах эмпирических данных, полученных в ходе регулярных опросов, и вместе с тем ставит задачу описания и понимания социальных, экономических, политических, культурных, национальных, электоральных процессов в нынешнем российском обществе. Интересом самого Левады в рамках этого проекта была *антропология советского человека в постсоветских и постимперских условиях*. Именно этому были посвящены его основные статьи последних 12 лет, составившие два массивных сборника — “От мне-

ний к пониманию. Социологические очерки 1993–2000” (2000) и ”Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005” (2006).

Человек свободный

Наш центр носит свое нынешнее имя не волей случая — он дело и детище Юрия Левады, еще одна жизненная удача лидера и созидателя. О том, в каких условиях в последние годы приходилось работать, Юрий Александрович писал не раз. Прочитируем его ответ на вопрос о том, кто сегодня герой нашего времени (интервью 2004 года): “Мелкий чиновник. С одной стороны его люди воспринимают за хозяина. Но на самом деле он знает, что скорее является винтиком, мышкой. Он и не хочет, чтобы его таковым считали. Но у нас эпоха имитации прошлого величия, великих деятелей через маленьких чиновников. Имитация порядка, страха, доверия, успеха. Все, что ни тронешь, все имитация. Некая аналогия живых кукол, которые имитируют функции живых людей”.

Почему задуманные Левадой дела получались и получали продолжение? Добавим к сказанному одно: он был свободным человеком. Никогда не проповедуя и никого не уча свободе, он воплощал ее в себе, в своих спонтанных реакциях и продуманных решениях, словах и поступках, да просто в жестах, посадке, одежде. Недаром в финале давней статьи он писал: “Свободная деятельность человека существует и может существовать во всех сферах его жизни и времени, на пересечении влияний разных социокультурных сил, в борьбе с ними — и за их рамками”. Резюмируется теория, а звучит как завет.

Повторяя своим ближайшим сотрудникам, начинавшим время от времени впадать со второй половины 1990-х годов в уныние, “душа обязана трудиться”, он сам работал как никто. Активный в жизни, Левада был фаталистичен по отношению, пожалуй, только к смерти. Его жизнь состоялась, его смерть была скорой. Он так хотел. Он и в этом остался собой.

ЛЕВ ГУДКОВ, БОРИС ДУБИН,
сотрудники “Левада-центра”